

JURIJ SZCZEKOTOW

WSP w Bydgoszczy

ПИСАТЬ НАДО НЕ ТАЛАНТОМ, А "ЧЕЛОВЕЧНОСТЬЮ"...

/Заметки о мастерстве А. Платонова-критика/

Современному читателю А. Платонов открывается как великое явление русской культуры. Сейчас, когда раскрыты многие "темные" страницы жизни и творчества писателя, опубликованы его центральные социально-философские произведения, "его оригинальность обратилась универсальностью и от величия повеяло гениальностью."¹ Но как целое писатель еще не прочитан и не представлен. Не исследовано в полном объеме его художественно-критическое наследие, в частности, статьи второй половины 30-х годов. Проблема остается актуальной для современного платоноведения, хотя она так или иначе затронута в любом исследовании творчества писателя.²

До настоящего времени переход А. Платонова к жанру литературно-художественной критики связывался обычно с резко отрицательными отзывами о некоторых его произведениях, цензурными рогатками, поставленными перед писателем в 30-е годы. Современный исследователь высказывает мысль о "тайнописи", с помощью которой опальный писатель поведал в своих статьях о "трагических судьбах своего народа".³ Имея под собой биографическую основу, эти объяснения тем не менее представляются односторонними. Причины творческой переориентировки А. Платонова более глубокие, внутренние. Не следует забывать, что именно в эти годы появились его произведения, которые по праву рассматриваются в ряду литературных шедевров /рассказы "Фро", "Третий сын", "Река Потудань", "Июльская гроза", повесть "Джан" и др./ . Критические статьи не заменяли, а дополняли прозу А. Платонова, были органическим "продолжением его движения вперед к великому простому человеку".⁴ По выражению самого А. Платонова, его публицистика подтягивала вперед и вверх все его прозаическое "туловище".⁵ Исследователи творчества писателя главное внимание обращали на развитие и углубление в его статьях основных идей и тем художника, но игнорировали его "технология", не обращали

внимания на особенности художественной формы и стиля его критических сочинений.⁶

Свою деятельность как публицист и критик А. Платонов начинает в послереволюционном Воронеже в 20-е годы. Его эстетика и социология сформировались под влиянием механистических идей Пролеткульта. Этим и объясняется, в частности, тот "налет упрощающей социологии в общих положениях", который следует четко отделять от "глубоких и пронизательных наблюдений Платонова-художника".⁷ Во второй половине 30-х годов после почти десятилетнего перерыва писатель вновь возвращается к литературной критике, где теперь не придерживается "общепринятых" правил, как раньше, а говорит "своим голосом".⁸

Трудно точно определить жанровую принадлежность критических работ А. Платонова. Сочетая в себе признаки трех основных, опорных жанров литературной критики - рецензии, творческого портрета, статьи, - они тяготеют к субъективности, смыкаются с собственно-художественной, философской эссеистикой. М. Бахтин выделял два возможных направления в комментировании образной системы художественного произведения: "...либо о т н о с и т е л ь н а я рационализация смысла /обычный научный анализ/, либо углубление его с помощью других смыслов /философско-художественная интерпретация/. Углубление путем расширения далекого контекста."⁹ А. Платонову чужда рационализация художественного творчества: литературная критика, желающая "все поэтическое истолковать прозаически", кажется ему "немного кошунственным делом".¹⁰ К нему больше относится вторая часть высказывания М. Бахтина.

Статьи А. Платонова о писателях далеки от узко профессионального разговора мастера о своем ремесле, о творчестве великих предшественников и работах товарищей. На материале художественной литературы им ставятся сложные социальные, философские, нравственно-этические проблемы, волнующие современное общество. Это весомый вклад писателя в дело создания "особой литературной философии" /Л. Леонов/, направленной против нарождающегося фашизма. Прекрасно разбираясь в тонкостях художественного мастерства, А. Платонов не увлекается стилистикой или техническим приемом. На уровне психологии творчества он размышляет о внутренней природе таланта художника, путях и формах проявления духовной сущности человека в слове, органичности и общественно-исторической необходимости творчества того или иного писателя. Особенно ярко как публицист и критик А. Платонов раскрывается в статьях: "Пушкин - наш товарищ", "Пушкин и Горький", "К столетию со времени смерти Лермонтова", "Рассказы А. Грина", "Навстречу людям" и др.

Масштабность мышления Платонова-критика заметна даже в тех статьях, которые являются, казалось бы, обычными рецензиями на произведения современной литературы. Оценивая единичное художественное явление, писатель выходит в сферу широких художественных и публицистических обобщений. Характерны в этом смысле

уже некоторые названия статей: "Общие размышления о сатире - по поводу одного частного случая", "Навстречу людям /По поводу романов Эрнеста Хэмингуэя "Прощай, оружие!" и "Иметь и не иметь"/, "О ликвидации человечества" /По поводу романа К.Чалека "Война с саламандрами"/. Стремление вырваться из узких рамок рецензии находит выражение в заботе писателя об "Укрупнении" отдельных деталей и частностей художественного творчества, попадающих в поле его анализа. Так, рассуждая о слове, которое является "плотью мысли", Платонов оговаривается: "Когда мы говорим "слово", мы, понятно, имеем в виду весь язык народа" /2, 323/. Одним из средств в оценках классики нередко становится гипербола. "У Пушкина окончания произведений похожи на морские горизонты: достигнув их, опять видишь перед собою бесконечное пространство, ограниченное лишь мнимой чертою" /2, 298/. Горький и Толстой предстают у Платонова людьми простодушными, но это "простодушие гиганта" /2, 316/. И т.д.

В поисках ответов на коренные вопросы бытия А.Платонов постоянно прибегает к социологическим и литературным параллелям и сравнениям, которые кажутся современному читателю неожиданными и даже парадоксальными, слишком "спрямленными". "Пушкин и Ленин", "Пушкин и Н.Островский", "Пушкин и коммунизм", "Пушкин и фашизм", "поэтическое вдохновение автора "Медного всадника" и трудовой энтузиазм стахановцев" - вот далеко не полный их перечень. Подобного рода фигуры возникали нередко на основе идейных установок, определяли нередко пафос и композицию всей статьи /"Пушкин и Горький"/. Именно в этом случае заметны вульгарно - социологические тенденции во взглядах Платонова на историю и искусство. Справедливости ради следует заметить, что сам писатель осознавал условный характер своих сопоставлений и нередко оговаривал и уточнял их. "Горький - не Пушкин и не равноценен ему. Нас интересует более скромная проблема: насколько Горький является преемником и продолжателем творчества Пушкина, - не в формальном отношении, а по существу и по духу" /2, 314/.

В своих статьях А.Платонов часто использует дедуктивный принцип построения, создает конструкцию "от мысли", "от проблемы". Его зачины не только увлекают читателя, но сразу же определяют главную авторскую идею, вводят в суть дела. Тезис, заявленный вначале, появляется в конце статьи, но уже на более высоком витке мысли автора, после основательной аргументации /принцип "кольцевой" композиции/. "Писатели Джозеф Конрад, А.Грин и К.Паустовский - литературные родственники", - так начинается статья о Паустовском /2, 387/. И заключительная фраза статьи: "А в отношении А.С.Грина Джозефа Конрада и других старших по возрасту литературных братьев Паустовского можно дать лишь искренний совет - положительно и скоро их забыть" /2, 392/. В начале статьи "Анна Ахматова" А.Платонов называет некоторые стихотворения поэтессы

"шедеврами". В заключительной части это понятие расшифровывается как "неповторимость прекрасных слов", за которые испытываешь чувство огромной благодарности /2, 358, 363/. Статью об Аксакове А. Платонов начинает с рассуждения о том, что "Семейная хроника" "привлекательна" для читателя изображением природы и жизни "патриархального, семейного человека" /2, 239/. В заключение "привлекательность" трансформируется в смысл повествования: "... книги Аксакова воспитывают в читателях патриотизм и обнаруживают первоисточник патриотизма - семью" /2, 329, 331/.

Известно, что искусство пересказа художественного произведения, необходимого для творческих целей критика, - трудное искусство. А. Платонов владеет им в совершенстве. В его пересказе сохраняется целостный образ произведения и очарование первого впечатления от знакомства с ним. Писатель может "раствориться" в чужом тексте, переселиться в иной художественный мир. Таким способом, например, передано содержание рассказа "Дорогое мячко" из "Малахитовой шкатулки" П. Бажова. Характер пересказа определяется в этом случае конкретной целью: показать, что слово у П. Бажова "является органической частью самого данного действия и только ему принадлежит. Малейшее несоответствие слова изображаемому этим словом факту уже искажает и самый факт, и все исчезает: и правда, и искусство" /2, 386/.

Совершенно иначе звучит пересказ в том случае, когда идейные и эстетические позиции автора произведения не совпадают с убеждениями А. Платонова. Рецензии на такие произведения - поистине "резкое, иногда разрушительное приближение к чужому художественному миру раскаленного нравственно-философского космоса Платонова".¹¹ И эта разрушительная сила становится заметной уже в изложении содержания, окрашенном теперь ядовитой иронией, сарказмом, включающем убийственные реплики. С такого рода пересказом, содержащим переосмысление чужого произведения, встречаемся в статьях: "Неодетая весна", "Рассказы Грина", "Константин Паустовский". Насколько трансформируется и "сдвигается" А. Платоновым художественный мир рецензируемого писателя видно по пересказу финальной части "Алых парусов" А. Грина. "Бедный народ деревни увидел образ плывущего счастья в виде корабля под алыми парусами. Но деревенские люди знали: это счастье плывет не за ними.

И действительно лодка с корабля взяла к себе одну Ассоль. Народ по-прежнему остался на берегу, и на берегу же осталась большая, может быть даже великая тема художественного произведения, которое не захотел или не смог написать А. Грин" /2, 395-396/. Исходя из верных принципиальных установок, А. Платонов, сам по себе человек суровый и даже аскетичный, оказывается, как видно, излишне категоричным в своих критических суждениях. Ни о какой эстетической "слепоте", разумеется, речи быть не может. *Понимает, но не принимает,*

- так бы можно было в этом случае выразить позицию писателя. Отсюда прямые советы товарищам по литературному цеху, подобные приведенному обращению к Паустовскому.

На языке и стиле критических статей Платонова о литературе лежит заметная печать его прозы и ранней публицистики. Много писалось о постоянных платоновских образах-символах, которые образуют в едином контексте его творчества "сквозные сюжеты". Они пронизывают и писательскую критику А. Платонова, помогая лучше понять и объяснить художественное творчество через "вещество существования" и "идею жизни" самого писателя. Слова "жить", "жизнь" постоянно повторяются в его статьях о литературе в самых разнообразных и неожиданных сочетаниях, как в знаменитой фразе из рассказа "Третий сын": "Но мать не вытерпела долго жить". "Он /Пушкин - Ю. Щ./ хотел, чтобы ничто не мешало человеку изжить священную энергию своего сердца, чувства и ума. Изжить и скончаться: "и пусть у гробового входа младая будет жизнь играть" /2, 300. Здесь и далее подчеркнуто мною. - Ю. Щ./ "Подвиг Маяковского состоял в том, что он истратил жизнь, чтобы сделать созданную им поэзию сокровищем народа" /2, 350/. "И с "малым телом" оказалось, можно исполнить большую жизнь" /О Н. Островском. - Ю. Щ. 2, 375/. В универсальном и всерьезном понятии "идеи жизни" применительно к писателям А. Платонов выделяет активную жизненную позицию, деятельность сознания и мастерство.

Однако Платонов - большой художник и "слабой жизни", певец и защитник "душевных бедняков, которым надо помочь выжить, преодолеть "энтропию жизни". Эту высокую миссию писатель возлагает на всю русскую и мировую литературу. С нею, в частности, связывается появление художественного гения Пушкина: "не от избытка сил народа, а от его нужды, ... почти как самозащита..." /2, 305/. Художественная концепция маленького человека лежит в основе платоновских трактовок образов Татьяны Лариной, Тазита, Евгения из "Медного всадника". Предвосхищая многих известных пушкинистов, А. Платонов делает проницательный вывод о нравственной равноценности образов Петра I и бедного чиновника Евгения.

Неоднократно в статьях о писателях у Платонова появляются мотивы семьи, материнства, столь любимые им детские образы. Ему понятен и близок пафос "Семейной хроники" Аксакова, прославляющей прекрасную семью и любовь ребенка к родителям. Семья, мать, бабушка в жизни и творчестве писателя, - вот те параметры, по которым сравниваются Пушкин и Горький, их произведения. Ребенок, ощущающий любовь к миру и "вкус чуда" в самой скучной действительности, становится для писателя высочайшим критерием в оценке творчества Короленко, Пришвина, Ахматовой. Одним из главных достоинств подлинного художника, по его мнению, является особый дар - "обретая опыт зрелости, не утратить в себе детства и не забыть своих детских привязанностей"

/2, 359/.

Сердце - один из наиболее сокровенных и многомысленных образов-символов в творчестве А.Платонова. Он постоянно фигурирует в разговорах о писателях, способствует возникновению особой "душевной" интонации, глубоким и емким оценкам. Так, "Пророк" Пушкина А.Платонов называет "особым словом, превращающимся в физическое движение сердца, в практическое действие, в политику" /2, 305/. В данном случае образ не теряет своей метафорической окраски. Однако он может и демефоризироваться, потому что для А.Платонова одинаково характерна "как потребность в метафорическом выражении, так и его опрошенный, "буквальный характер..."¹² Например: "Но писать об этих фактах следует со спокойным, глубоко дышащим сердцем, а не с подпрыгивающим восторгом..." /2, 389-390/. По аналогии с "обнажившимся сердцем" в одном из наиболее известных рассказов А.Платонова "Возвращение" "сердце" здесь "исполняется" как прямое слово, а описанное физическое состояние человека воспринимается почти буквально.

В своих суждениях о литературе А.Платонов исходит из убеждения, что поле для "воодушевленной поэтической деятельности" открыто не только перед художником, но перед любым человеком труда. Художественное творчество связывается у него с мастерством, техникой, любым творческим трудом. Рабочий по происхождению, он в равной степени испытывает восторг как перед художественным произведением, так и перед материальным изделием человека, особенно - перед машиной. Не только уместными, но и необходимыми представляются в художественной критике Платонова многочисленные технические детали, постоянные упоминания об орудиях труда и трудовых процессах. Произведение, - по Платонову, - "делается" из определенного "материала". Сатира вооружена не только "зубани и когтями", но и "плугом", глубоко пахущим землю, чтобы на ней вырос не "бурьян", а "хлеб нашей жизни" /2, 340/. Перо Щедрина писатель сравнивает с "дробящим перфоратором". "Эстетика" /т.е. художественная форма/ в романах Э.Хэмингуэя напоминает ему линию высокого напряжения, которая расходует много энергии на себя, и "эта энергия безвозвратно теряется для читателя-потребителя" /2, 426/. Ирония по поводу эстетического гурманства М.Пришвина сразу же пропадает, когда А.Платонов находит в "Неодетой весне" "серые слезы", *рабочие* капли тающих снегов, *пот трудящегося* солнца. Это "открыто автором превосходно", с восторгом замечает он. Своеобразной квинтэссенцией всего образного "технического" материала становится оригинальное сравнение глубокого обобщающего смысла: "Чтение классика-новатора - всегда вначале работа, а потом уже радость и польза. Конная тяга понятней паровозной, но паровозная интересней и выгодней" /2, 349/.

Гайна неповторимой платоновской речи постоянно волнует исследователей творчества писателя.

Словосочетания и фразы в его прозе называют "философически-неуклюжими", "корявыми", "уродливыми" и т.д., и т.п. Пытаясь по-платоновски образно определить эту "странность", современный ученый-платоновец пишет: "Каждое предложение у Платонова - не фотография или образ кусочка мира, а именно *мысль* о мире, но *мысль, мучающаяся чувством*. Точнее, эта мысль еще не покинула "детского места" своего созревания, богатого кровеносными сосудами сердечного питания".¹³ Язык художественной критики А.Платонова, во многом напоминающий "речевую физиономию" его прозы, имеет свои индивидуальные приметы. Фраза Платонова-критика - это тоже "мысль о мире", но уже покинувшая "детское место". Она далека от "косноязычия", не "нучается по слову". Высказывая опасения по поводу "дополнительного рационального толкования" художественной литературы, сам А.Платонов мастерски владеет этим способом. Стремление писателя к уплотнению мысли, к формулированию, характерное для него, в статьях о писателях выражено особенно наглядно и неприкрыто. Можно было бы выделить условно "аниконическую" /безобразную/ часть критики А.Платонова, используя этот термин А.Ф.Лосева.¹⁴ Она сильна и богата своим "мыслительным содержанием", афористичностью и лаконизмом. Это мудрые правила и наставления, вошедшие в сокровищницу русской литературной критики. И здесь всегда бывает трудно удержаться от обильного цитирования. Вот только отдельные примеры:

"...в области искусства открытие действительности является более трудным делом, чем художественное изображение идеи, выдуманной по поводу действительности..."

"Единственная слава, единственная истинная честь для всякого большого художника заключается в том, чтобы завещанное им слово не убывало, не утрачивалось в своей глубине и ценности, а возрастало, умноженное на понимание миллионов читателей".

"...язык словно озаряет образ родины и делает родину свойственной нам и любимой".

"Автор слишком профессионал, чтобы быть художником, предавшимся своему делу со страстью невинности, с надеждой неопытности".

Впадать "в дурную прелесть хороших слов".

"...центр литературного дела всегда будет заключаться в существе человека, а не возле него".

Свою критику сам Платонов непритязательно называл "размышлениями читателя". Эта позиция постоянно им декларируется и подчеркивается: "Но наша читательская задача гораздо скромнее...", "Мы ограничимся лишь скромным и предварительным мнением...", "Не уверены, но нам кажется..." и т.д. И здесь "читатель" - не маска или какой-то особый прием. Писатель гордится своей принадлежностью к народу, который "читает книги бережно и медленно". Постоянное "мы" в его статьях о писателях теряет форму банального речевого этикета,

принятого у критиков, наполняется истинным, первоначальным смыслом. Но автор - читатель необычный, не только глубоко понимающий художественное произведение, но и умеющий донести это понимание до других. Отсюда многочисленные вопросы, реплики, обращения к незримой аудитории, создающие атмосферу диалога, доверительной беседы: "Сообщим вкратце про Гоголя и Щедрина", "Не желая быть неточно понятыми, мы сжато разъясним еще раз свою только что изложенную точку зрения", "Обратимся к доказательствам нашего утверждения", "Обдумаем же смысл "Демона" и т.п.

Совсем не случайно многие статьи А.Платонова конца 30-х годов были подписаны псевдонимом "Ф.Человеков". Писатель открыто и без околочностей заявлял о своей гуманистической позиции, которая находила конкретное выражение, например, в отношении к реальному автору. Сколь же далеки статьи А.Платонова от рецензий его собственных критиков, огульно охаивающих творчество писателя! Сам он никогда не опускается до вульгарного "разноса", так популярного в советской критике времен Пролеткульта и РАППа. Тон платоновской критики, временами беспощадный и резкий, всегда остается вместе с тем уважительным и благожелательным. Из любимых слов писателя к нему подошли бы эпитеты "яростный" и "нежный", которые так часто в языке А.Платонова стоят рядом.

Художественно-критические статьи А.Платонова конца 30-х годов, несмотря на выраженные в них вульгарно-социологические тенденции, остаются интересными и поучительными по сей день. Это "литературные мечтания" самобытнейшего художника, где субъективность в прочтении известных художественных произведений искупалась обилием необычных и оригинальных ракурсов в оценках привычного и примелькавшегося. По-прежнему актуально звучат сегодня слова автора произведений, известных во всем мире: "Писать надо не талантом, а "человечностью" - прямым чувством жизни".

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Битов Андрей. Ключ к "Антисексусу" Андрея Платонова. - "Новый мир", 1989, №9, с.166

²См., например:

Творчество А.Платонова. Воронеж, 1970

Чалмаев В.А. Андрей Платонов, М. 1989

Васильев Владимир. Андрей Платонов. М., 1982

Шубин Л. Поиски смысла отдельного и общего существования. Об Андрее Платонове. М., 1987

Чалмаев В. Андрей Платонов. М., 1989 и др. монографии

- ³Научная конференция, посвященная 90-летию со дня рождения Андрея Платонова. - "Русская литература", 1990, №2, с.258-259
- ⁴Чалмаев В. Андрей Платонов. М., 1989, с.418
- ⁵Платонов А. Возражение без самозащиты. По поводу статьи А.Гурвича "Андрей Платонов. Письмо в редакцию". - "Литературная газета", 1937, 20 декабря
- ⁶Характерно, что даже в таких наиболее талантливых и глубоких исследованиях творчества писателя, как работы Л.Шубина, эти проблемы затронуты вскользь
- ⁷Чалмаев В.А. Андрей Платонов. М., 1978, с.135
- ⁸Шубин Л. Критическая проза Андрея Платонова. - В кн.: А.Платонов. Размышления читателя. Статьи. М., 1970, с.4
- ⁹Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979, с.362
- ¹⁰Платонов А. Собрание сочинений в трех томах. Т.2, М., 1985, с.361. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
- ¹¹Чалмаев В. Андрей Платонов. М., 1989, с.423
- ¹²Бочаров С.Г. О художественных мирах. М., 1985, с.258
- ¹³Семенова Светлана. Преодоление трагедии. М., 1989, с.375
- ¹⁴Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982, с.417

PISAĆ NALEŻY NIE TALENTEM, LECZ "CZŁOWIECZEŃSTWEM"...

/UWAGI O ARTYZYŃNIE PŁATONOWA - KRYTYKA/

Streszczenie

Nielatwe jest ściśle określenie przynależności gatunkowej prac krytycznych Płatonowa. Łącząc cechy trzech podstawowych gatunków krytycznych - recenzji, portretu literackiego, artykułu, które ciążą ku subiektywizmowi, stykają się z własnym systemem artystyczno-filozoficznym autora Płatonowowi obca jest racjonalizacja twórczości artystycznej. Oceniając jednostkowe zjawisko artystyczne pisarz zmierza ku szerokim uogólnieniom publicystycznym. Płatonow posługuje się zasadą dedukcji, tworzy konstrukcje "od myśli", "od problemu". Język krytyki Płatonowa zbliża się do jego własnego języka artystycznego, ale odróżnia go lakoniczność oraz aforystyczność.

Twórczość krytyczna Platonowa mimo wyraźnych znamion tendencji "wulgarno-socjologicznych" zachowuje wartość po dzień dzisiejszy.